

© 2004 г. Е. Л. БЕРЕЗОВИЧ

К ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ*

Задача реконструкции языковой картины мира в связи с культурной и этнической самобытностью ее носителей, являющаяся одной из базовых задач этнолингвистики (и лингвокультурологии)¹, требует поиска таких источников этнокультурной информации, которые бы позволяли представить последнюю наиболее полно и системно. Логика этого поиска (как можно судить по отечественной лингвистике последних трех десятилетий) есть логика постепенного углубления, "интериоризации" анализа – не только в смысле совершенствования качества самих аналитических процедур, но и в смысле обнаружения более глубоких внутрисистемных индикаторов этнокультурного своеобразия.

Поначалу естественна была лингвокультурология (чаще называвшаяся лингво-страноведением) "от кваса и сарафана" (vs. колхоза и спутника) – наиболее очевидных, лобовых (вследствие своей безэквивалентности), но вместе с тем самых лингвистически пустых этнокультурных сигналов, означающих уникальные явления материальной культуры. Постепенно популярным стал более "рафинированный" пласт безэквивалентной лексики, связанной уже не с материальной культурой, но с уникальными явлениями духовной культуры или общественной жизни (ср. слова вроде *соборность* или *совок*). На смену им пришли "культурные слова": *дружба, милосердие, воля, душа* и т.п., не имеющие печати культурного своеобразия в своем "необходимом и достаточном" значении, но обнаруживающие специфическую конфигурацию коннотативного уровня семантики. Именно здесь стало возможным собственно лингвистическое приращение анализа, базирующегося на всестороннем изучении системных связей слова.

* Поддержка данного проекта была осуществлена АНО ИНО-Центр в рамках программы "Межрегиональные исследования в общественных науках" совместно с Министерством образования Российской Федерации, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данной публикации, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

Приношу искреннюю благодарность членам проблемной группы "Язык и мир" под руководством М.Э. Рут (филологический факультет Уральского госуниверситета), помогавшим вырабатывать и апробировать высказываемые здесь положения, а также С.М. Толстой за ценные замечания и рекомендации при подготовке статьи.

¹ В данном случае не имеет значения популярное в последние годы в отечественном языкознании разграничение этнолингвистики и лингвокультурологии по отношению к диахронии/синхронии (и "диалектности"/"литературности"). К примеру, в польской традиции, где этнолингвистические исследования ведутся активно и масштабно, такое разграничение не производится – и анализ языкового воплощения концептов современной культуры тоже считается задачей этнолингвистики (см. об этом в [Бартминский 2001]).

Изучение "культурных слов" далеко не исчерпало себя, оно нуждается в объективации данных путем расширения дискурсивного пространства, привлечения контрастивного аспекта исследования *etc.*, однако оно остается работой на уровне микросемантики – уровне отдельных слов и значений. Исследование микросемантики – пусть даже самое дотошное и филигранное – не спасает лингвокультурологические штудии от обвинений во вкусовщине и "диванности"². Придание отдельному слову статуса "ключевого" для данной лингвокультуры нуждается в строгом обосновании, в рассмотрении его семантического своеобразия на фоне всего массива лексических единиц, выражающих сходные или противоположные смыслы. Очевидно, что отмеченная выше логика последовательного углубления сфер анализа требует выхода в макросемантику, оперирующую большими пространствами смыслов – семантическими полями³. Настоящая статья посвящена методике этнолингвистического исследования таких полей, в силу обзорного характера статьи словесный материал (преимущественно факты русской диалектной лексики) будет использован в ней фрагментарно, в виде отдельных иллюстраций.

При изучении отдельного слова этнолингвистический анализ, как уже говорилось, подразумевает выявление его коннотативного спектра. Совмещение в коннотации таких странно уживающихся свойств, как несущественность (более того – капризность и непредсказуемость) и устойчивость [Апресян 1995: 159, 172], объясняется чаще всего субъективным выбором носителя языка, ее порождающего. Разумеется, при этом не стоит забывать, что выбирает не только субъект, но и сама языковая система, которая во многих случаях властно вмешивается в процесс образования коннотаций. Так некоторые возможности ответа на законный и важный вопрос В.А. Плуменя и Е.В. Рахилиной о том, почему похожие языковые единицы разным образом ведут себя по отношению к коннотации [Плунгян, Рахилина 1993: 126], таятся в самой иллюстрации к вопросу, приводимой авторами: в паре лексем *пол* и *потолок* первая кажется свободной от концептуальной нагрузки, тогда как со второй связан отчетливый концепт предела, исчерпанных возможностей" [Там же]. Но *пол* не может концептуализироваться так, как *потолок*, ибо этому мешают внутрисистемные свойства слова – включенность в ряд омонимов, отвергающая сочетаемость вроде **пол моих возможностей* (такое сочетание может быть понято скорее в "количественном" или даже в "гендерном" ключе, нежели в связи с семантикой, противоположной *потолку*)⁴.

Помня об отсистемных факторах такого рода, следует рассматривать коннотацию в первую очередь как семантическое следствие культурных предпочтений носителя языка: как проявление культурной идиоматичности – невыводимости особых эффектов семантики из сугубо отражательных, объективированных, логически выровненных смыслов (подробнее см. в [Березович 2003а: 19]). Такое понимание коннотации может быть распространено на большие, чем семантика одного слова, смысловые пространства, но при работе с ними необходимо понимать, что концептуальные смыслы в данном случае не сконцентрированы в одном языковом "носителе", но рассеяны

² Ср. противопоставление корпусной и диванной лингвистики, введенное Ч. Филлмором и развиваемое П.Б. Паршиным: если "корпусный лингвист располагает множеством фактов и занят подсчетом эмпирических закономерностей, то диванный представляется «лежащим, обхватив голову с закрытыми глазами и изредка подсказывающим с криком 'Какой потрясный факт!'» [Паршин 1996: 35].

³ Ср. положение Т.И. Вендиной о значимости обнаружения регулятивных принципов семантической организации всего лексикона языка, когда во внимание принимается не одно слово, а весь массив слов, в котором и проявляется языкотворческая позиция человека, его ориентация в мире существей" [Вендина 2002: 311].

⁴ Однако сила "концептуальной симметрии" столь велика, что искомая коннотация *пола* начинает проявляться в языке, ср. новейший рекламный слоган: *Цены ниже пола*.

по всей семантической "территории", включены в саму логику ее организации, что требует особой техники реконструкции. Изучая проявления культурной идиоматичности в больших смысловых пространствах, следует осуществлять соотносительную оценку различных семантических феноменов – рассматривать, допустим, не столько саму семантическую структуру слова или особенности семантической деривации на его базе, сколько логику появления именно такой структуры реализации именно таких моделей деривации на фоне семантических "соседей" данного слова, не столько сам состав семантического поля, сколько закономерности, определяющие маркировку одного элемента и лауну на месте другого при логической равноценности понятий и т.п. Один небольшой пример семантико-словообразовательная деривация на базе слов *лень*, *лениться*, *лентяй* и т.п. может дать наименования предметов, которые языковое знание трактует как "способствующие лени": простореч *лентяйка* 'швабра', диал. *лентяйка* 'коса-стойка' [ЛК ТЭ], литер *ленивый* 'приготовленный более быстрым способом (о кушаньях *ленивые голубцы*, *ленивые вареники*, *ленивые щи* и т.п.)', ср. также *Ленивка* – фабричное наименование пледа (одновременно служит покрывалом) и др. Мотивирующее значение предмет, способствующий лени логически казалось бы, может быть перевернуто и трансформировано в смысл "предмет, облегчающий труд" действительно, мытье пола с помощью швабры-лентяйки – а тем паче кошение косой-стойкой – отнюдь не предполагают *лень*. Однако слова *труд* и *работа* принципиально не способны на подобную логику семантической деривации, поскольку культурное сознание носителя языка (и далеко не только русского) настаивает на том, что труд должен носить тяжелый, мучительный, физически изнуряющий характер (см. [Толстая 1998, Еремина 2003: 25–27, 233] и др.), – иначе это *лень*.

Рассмотрим подробнее структуру того смыслового пространства, которое станет ареной для этнолингвистической интерпретации, – семантического поля. Представляется, что анализ семантических полей можно вести на трех уровнях – собственно семантическом, мотивационном и уровне культурной символики.

Собственно семантический уровень образуется исходя из значений слов, состав единиц, которые следует рассматривать при работе на этом уровне, определяется в конечном счете логическими отношениями между понятиями. **Мотивационный уровень** поля предполагает "группировку слов на основе общности их мотивационной модели (мотивационного признака)" [Толстая 2002. 116]. При такой группировке лексический материал может быть рассмотрен "ретроспективно" (с точки зрения моделей мотивации, которые легли в основу данных слов) и "перспективно" (исходя из способности слов данного поля становиться источником семантической или семантико-словообразовательной деривации). Объединение этих двух уровней в единую смысловую структуру даст возможность разносторонне проанализировать изучаемую группу слов – и в плане закономерностей организации поля, его внутренней структуры, и в плане мотивационных возможностей. Вообще, если говорить о логике смыслопорождения, эти два уровня дают не просто взаимосвязанную, но "генетически" единую информацию, поскольку закономерности комбинирования смыслов в значении лексемы (если рассматривать его комплексно – и концептуальное ядро значения, и коннотации) продолжают в процессах семантической деривации, приводящих эти смыслы в движение и способствующих их филиации. Иными словами, собственно семантический и мотивационный аспект изучения поля могут быть охарактеризованы в категориях статики и динамики.

Если рассматривать смысловое пространство, связанное с традиционной народной культурой, то оба указанных уровня в некоторых случаях продолжают третьим – **уровнем культурной символики**. Последний оказывается не рядоположенным им, но располагается как бы в культурной надстройке", ср. размышления Н.И. и С.М. Толстых относительно того, что слова естественного языка могут приобрести

в языке культуры дополнительную, культурную семантику⁵, т.е. «особые символические значения», которые «надстраиваются» над всеми прочими уровнями значения» [Толстые 1995а: 291] и закономерно с ними связаны⁶. Таким образом, уровень культурной символики продолжает собственно семантический уровень, включая культурно обусловленные значения, развивающие денотативные или общеязыковые значения слов.

В то же время он продолжает и мотивационный уровень: при выходе за рамки языковой системы, в сфере текстов и в сфере ритуала, «прямым "продолжением" (или расширением) лингвистического понятия мотивации оказывается... понятие кода, широко используемое в этнолингвистических и антропологических исследованиях. Как и мотивация, код предполагает "вторичное" использование знаков, уже имеющих закрепленное за ними "первичное" значение, но при этом знаки могут иметь не только языковую природу (звуковую субстанцию), но и внеязыковую – это могут быть вещи, действия, природные объекты и другие реалии жизни или ментальные сущности» [Толстая 2002: 124]⁷. Таким образом, мотивационный ряд в лексике, являющийся фактом языка, может стать в то же время культурным кодом – и это произойдет в том случае, если его элементы приобретут символические значения в языке культуры.

Охарактеризовав в общем виде соотношение различных уровней семантического поля, опишем особенности этнолингвистического исследования применительно к каждому из них.

Собственно семантический уровень

1. При работе на данном уровне этнолингвистический анализ предполагает характеристику **структурной дистрибуции семантического поля, его внутренней "топографии"**. При этом следует обратить внимание на следующие параметры.

А. Логика выделения смысловых участков, секторов данного поля (сектора объединяют единицы, противопоставленные по какому-либо признаку ядерному элементу [см Гак 1993: 22]), **их место в структуре поля, объем и относительная заполненность**.

Закономерности членения поля на смысловые зоны отражают общую структуру представлений о соответствующем фрагменте действительности, о параметрах неко-

⁵ Здесь мы имеем дело с особой трактовкой термина "культурная семантика", заставляющей думать о том, что современная лингвистическая традиция знает как минимум две "культурные семантики". Отличие "культурной семантики 1" от "культурной семантики 2" определяется различной трактовкой базового понятия "культуры" (точнее, актуализацией разных смыслов в представлении о культуре). Если понимать последнюю с "когнитивным акцентом" (грубо говоря, как комплекс окрашенных национальной спецификой представлений о мире), то "культурная семантика 1" должна трактоваться как система культурных коннотаций, т.е. семантических следствий, вытекающих из культурных предпочтений носителя языка. Если же понимать культуру с "семиотическим акцентом" (как внеязыковую семиотическую систему, включающую в себя подсистемы в известной мере противопоставленные языку по своей символической природе и целевой направленности), то "культурная семантика 2" есть круг значений, который присущ культурным знакам в контексте традиционной обрядности, верований и фольклора. Эти две семантики, разумеется, тесно взаимодействуют и переплетаются, однако разграничение их небесполезно.

⁶ Например, «отгонная культурная семантика слова *веник* (или *метла*) строится на магическом и мифологическом осмыслении таких признаков обозначаемого словом бытового предмета, как "контакт с мусором, нечистотой", "выметание, устранение, очищение" и т.п., которые входят либо в ядерное, лексическое значение (дефиницию), либо в лексическую коннотацию, либо в экстралингвистическую зону коннотации» [Толстые 1995а: 291–292].

⁷ К примеру, в рамках растительного кода свадебного обряда функционирует не только фитоним *калина* (*калина* 'название песни, исполнявшейся на свадьбе', *ломать калину* 'лишить девственности' etc.), но и соответствующий предмет (ветками и ягодами калины украшали каравай, наряд невесты и т.п.) [Толстая 2002: 124–125].

торой мыслительной ситуации, стоящей за этим полем, о доминантных линиях, осуществляющих дискретизацию смыслового пространства. Говоря об относительной лексической заполненности секторов, мы получаем более конкретное представление о том, какие смыслы получают номинативное оформление, а какие остаются без такового, образуя лакуну. Кроме того, здесь же следует учитывать симметричность/асимметричность заполнения логически однотипных или "парных" секторов (допустим, отражающих представления об уме и глупости, скупости и щедрости, трудолюбии и праздности etc.). Такая характеристика, как объем, предполагает оценку количества единиц, представленных в каждой смысловой зоне семантического поля⁸.

Развернутая иллюстрация к этим (и последующим) рассуждениям будет приведена ниже, а сейчас ограничимся небольшим примером. Семантическое поле, представляющее черты характера человека по отношению к другим людям, по-разному структурировано в литературном языке и русских народных говорах (анализ проводился на материале лексики уральских говоров, представленной в [КЭИС], сопоставление с литературным языком осуществлялось по [РСС, ТСРЯ]). Если говорить о 'положительной' зоне такого поля, описывающей позитивно оцениваемые качества человека, проявляющиеся в межличностных отношениях, то в уральских говорах это смысловое пространство имеет ярко выраженную ядерную часть: центральное место здесь занимает лексика, дающая обобщенную характеристику способности человека "жить в людях" – соответствовать социально закрепленным нормам взаимоотношений, складывающимся как в процессе общей работы, так и в традиционном общезжитии. Данный смысл выражается разнообразно и доминирует по количеству языковых реализаций (25% всей "межличностной" лексики уральских говоров с позитивной оценкой, которая зафиксирована в [КЭИС]): *людивый, людный, людской, народный мирской, общой, соседливый, спарчивый, товаристый, фамильный, сробливый, артельной* и т.п. – *Он людивый, а понятней-то – народный, общой, Я роблю с деушкой такой спарчивой, дружелюбна она, со всемя сойдется. Он парень мирской, всё как надо сделат как положено, могилу выкопат и денег не возьмёт* [КЭИС] (ср. также показательный контекст к слову *людской* 'такой, как все люди' – *Шофер не взял, проклятый. Вздыхнула руку – так не взял, а он порозний едет, хохочет. Ведь людской был бы, остоялся "Садись, старушонка"* [СРГК 3: 169]). К словам такого рода трудно подобрать литературные эквиваленты (словарные дефиниции здесь зачастую неточны и "скатываются" на более конкретные смыслы вроде 'дружелюбный, приветливый'). Самый близкий смысл в литературном языке имеет слово *человеческий* 'такой, какой должен быть у людей, какой подобает людям', однако оно не употребляется как "онтологическая", постоянная качественная характеристика человека, обладающая статусом черты ха-

⁸ Количественный параметр наиболее эффективен при работе с ономастической лексикой поскольку в ономастике каждой номинативной единице соответствует свой объект действительности, то номинация каждого из этих объектов предполагает отдельный акт познания а количество одинаковых наименований говорит о степени значимости соответствующего конкретного значения в рамках определенного смыслового поля. Для нарицательной лексики количественный фактор не является столь однозначным в ряде случаев идея 'целиком' укладывается в одно слово, а не распределяется между несколькими словами, – и это не должно рассматриваться как признак незначимости соответствующей семантики. Кроме того, количество реализаций определенного значения ощутимо зависит от наличия/отсутствия у него некоторого эмоционального фона – и, соответственно, от эмотивности 'обслуживающей' это значение лексики экспрессивная лексика всегда склонна к самозаражению, проявляющемуся в постоянном увеличении количества номинативных единиц на единицу смысла (ср. обвальное количество языковых реализаций смысла 'глупый человек, дурак'). Но все-таки некоторая целесообразность в 'номинативной бухгалтерии' есть трудно отрицать значимость определенного круга значений, если номинатор вновь и вновь возвращается к их номинативной отработке, закрепляя во внутренней форме разные номинативные признаки, используя единицы разной частеречной принадлежности, привлекая как целеноформленные лексемы, так и идиоматику etc.

рактера, оно описывает преимущественно внешние обстоятельства жизни (*человеческие условия, человеческая обстановка*) и отдельные поведенческие проявления (*человеческие слова, человеческий поступок, вести себя по-человечески*, ср. *по-людски* в этом же смысле). "Онтологические" же характеристики, представленные в литературном языке, дают некоторое смещение акцентов: слова вроде *дружелюбный, открытый, коммуникабельный, общительный, отзывчивый, внимательный, человечный, заботливый, тактичный* и т.п. рисуют, во-первых, более конкретные личностные проявления, при этом каждое из этих слов занимает свою смысловую нишу (одни семантически ближе друг к другу, другие дальше). Во-вторых, литературные слова со сходной семантикой не имеют осязательного смыслового подтекста негласной "общественной нормы", у них не столько социально опосредованное, сколько "частное" звучание (человек может быть *внимателен* и *отзывчив* по отношению к кому-то, но *мирским* или *соседливым* он должен быть "вообще"), что подчеркивается их близостью к чувствам, ср. *чувство такти; чувствовать чье-либо внимательное отношение* и т.п.⁹ Таким образом, можно говорить о разной логике структуризации рассматриваемого смыслового пространства, являющейся следствием высокой степени "социализации" традиционного сознания.

Б. "Этажность" значений слов в составе данного поля и особенности детализации, модификации смыслов. Этот параметр хорошо изучен в семантике и предполагает характеристику глубины разработки, специфики внутреннего "рисунка", степени детализации того или иного смысла или группы смыслов (особенно наглядна такая детализация на иноязычном фоне), выводящую на особенности категоризации действительности (ср. хрестоматийную ситуацию с детализацией видов снега у эскимосов). К примеру, в диалекте понятие рассеянности, забывчивости может иметь показательную конкретизацию – 'такой, кто забывает запереть вовремя двери, ворота', ср.: *дыропашник* [ЛК ТЭ], *пустоворот* [КСГРС], *полодырай, полоротница* [ДСРГСУ: 435–436] (соответствующим образом оцениваются интеллектуальные способности таких людей, ср. *калитка отворёна* 'о придурковатом человеке' [КСГРС]). Распахнутая калитка является особо выделенным и значимым проявлением рассеянности, поскольку она может привести к таким серьезным последствиям, как потеря урожая, который будет вытоптан зашедшей в огород или на поле скотиной.

Помимо собственно глубины, "этажности", значима внутренняя конфигурация значения – особенно дейктические "узоры" в его составе. В качестве примера приведем ряд диалектных слов, содержащих поведенческие и речевые характеристики, семантика которых содержит дейктический компонент 'как в городе', 'по-городскому', предполагающий ценностно окрашенное противопоставление города деревне (этот компонент не всегда отражен в словарных дефинициях, однако может "наводиться" прозрачной внутренней формой лексем). При этом у дейктических значений, как правило, имеются немаркированные корреляты ('девочка, капризная "по-городскому"' и "'просто" капризная девочка'): *москвичка* 'высокомерная девушка, ведущая себя подобно жительнице города' [ЛК ТЭ], *обнигереться* 'приобрести городские манеры, лоск; стать бесцеремонным, наглым' [СРНГ 22: 189], *горожаха* 'капризная, избалованная девочка' [КСГРС], *суцкой (чуцкой)*¹⁰ 'интеллигентный' (*Был в-горади, приехал оттуда, суцкой стал*) [СРДГ 3: 150], *начеркачиться* 'усвоить говор и манеры горожан' [СРДГ 2: 176], *петроградка* 'модница, франтиха' [СРГК 4: 493], *нигерка* 'лентяйка' [КСГРС]; *выщёлкивать* 'говорить быстро, "по-городскому"' [КСГРС], *защёткать* 'заговорить по-городскому (о произношении слова "что")' [СРГК 2: 242], *зачвакать* 'заговорить на литературном языке' [СРГК 2: 236], *по-городскому* 'так,

⁹ Естественно, сказанное не означает, что средствами диалектной лексики не может выражаться эквивалентная литературной семантика отзывчивости, приветливости и т.п.

¹⁰ Очевидно, здесь следует восстановить *чудской* (к *чудо*; в сознании носителей языка, возможно, к *чужой*).

как на языке горожан (более правильно, нормативно); на литературном языке' [ПОС 7: 128] и др.

При работе с этими параметрами, определяющими внутреннюю "топографию" поля, показательность и богатство результатов зависят от различных обстоятельств: например, от степени универсальности vs. культурной специфичности той ментальной сферы, которую охватывает лексика данного поля (к примеру, представления о свойствах человека по отношению к интеллекту в известной мере универсальны, в то время как характеристики по отношению к собственности отличаются более ощутимой культурной спецификой); от глубины того среза, на котором осуществляется анализ (рассмотрение самой общей структуры поля дает наименее богатые результаты, которые, несмотря на определенную значимость, нередко ожидаемы и логически вычислимы, – более интересны внутренние "силовые линии", определяющие дальнейшее членение секторов поля).

2. Для этнолингвистической интерпретации семантического поля большую роль играет характеристика данного поля по его взаимодействию со смежными полями (образующими, по выражению В.Г. Гака, "ближнее зарубежье" семантического поля [Гак 1993: 23]).

Семантическое поле не имеет, как известно, жестких границ и обменивается смысловой энергией со смежными, соседними полями, создавая плавную цепь взаимопереходов и перекрывающиеся друг друга ареалы. Нередко смыслы, логически принадлежащие различным соседним полям, могут быть объединены, комбинированы в рамках одного значения. В данном случае для этнолингвистического анализа интерес представляет как сам список "ближних соседей" данного поля, так и логика смысловых пересечений между ними.

К примеру, показательно взаимодействие полей 'трудолюбие' и 'скупость', в результате которого соответствующие смыслы могут быть совмещены в семантике отдельных лексем: *аред* 'злой, жадный до какого-либо дела человек' [СРНГ 1: 272], 'очень трудолюбивый, жадный на работу человек' (*Ой ты, аред! – скажем с похвалой или презрением. – Что тебе – больше всех надо?*) [СГРС 1: 21], 'жадный (до работы)' (*Этот аред, говорят, всё ему мало, работает, ночь его не загонит*) [СРГК 1: 21]; *омех* 'человек, чрезмерно много работающий ради накопительства, из жадности' (*Омех – все больше человеку надоть захватывать, зависной человек*) [СРНГ 23: 202], *добыча* 'очень трудолюбивый, но жадный человек' [ЛК ТЭ] (ср. также внутреннюю форму слов *корней*, *корнека* 'скопидом, скряга' [СРНГ 14: 371] < *корпеть*) и др. Почему же не приветствуется такое, казалось бы, ценное человеческое качество, как "повышенное" трудолюбие? Очевидно, бытующее в традиционном сознании представление о скупости трудолюбивого человека является следствием коллективного характера труда, вырабатывающего общественно утвержденную норму труда. Превышение этой нормы очень заметно (положим, все ушли с покоса, а кто-то остался) и раздражает окружающих.

Еще пример: достаточно регулярно в семантике диалектного слова объединяются смыслы, принадлежащие полям 'интеллект' и 'трудолюбие': *гусар* 'смекалистый, работающий человек', *ловенький* 'умелый, ловкий; находчивый, догадливый', *вытный* 'умный, деловой', *делец* 'деловой умный человек', *проворый* 'сообразительный, смекалистый, умелый, деловой' и т.п. [Леонтьева 2003: 32]. Стремление представить сообразительного человека одновременно умелым и деловым говорит о том, что народная культура не думает о "чистом" уме, а пытается найти ему практическое применение. Примерно в эту же сторону работает еще одно наблюдение Т.В. Леонтьевой над закономерностями комбинирования смыслов в поле 'интеллект': "специфичны для говоров толкования, которые содержат две или несколько рядоположенных характеристик (*глупый* и – *ленивый*; *неумелый*; *неразговорчивый*; *суетливый*; *медлительный*; *болтливый*; *неопрятный*; *несерьезный*), по которым можно условно составить пред-

ставление о причинно-следственных отношениях между членами ряда (*глупый*, потому что *упрямый*; *крикливый*, следовательно, *глупый*)" [Леонтьева 2002: 279].

Приведем более развернутую иллюстрацию, задействующую разные параметры этнолингвистического анализа собственно семантического уровня поля, упоминавшиеся выше.

В диалектной лексике весьма определенно и детально "прописано" лексико-семантическое поле 'характеристика человека по отношению к еде' (как и в случае с межличностными характеристиками человека, анализ проводился на материале [КЭИС], сравнимом с данными [РСС; ТСРЯ]). В литературном языке это поле выражено гораздо слабее: ситуация приема пищи, "качества" аппетита и т.п. находят свое лексическое воплощение, а вот "пищевые" характеристики человека здесь раритетны. Диалект "онтологизирует" их, практически придавая свойствам такого рода статус черт характера, подвергает оценке и вводит в систему таких "характерных" параметров, которые связаны с межличностными отношениями. Аксиологизация отношения к еде не случайна: как известно, прием пищи в народной традиции является далеко не "физиологическим" актом, а жестко регламентирован социальными нормами и традиционными обычаями, нередко являясь составной частью семейных, календарных, хозяйственных и окказиональных обрядов [СД 2: 176–178]. В рамках этого поля представлены следующие сектора: 'характеристика человека по отношению к аппетиту (с хорошим – плохим аппетитом)' – 53% языковых фактов; 'индивидуальные пристрастия в пище' – 25% (в том числе 'пищевые пристрастия в связи с отношением к собственности' – 10%), 'разборчивость – неразборчивость в еде' – 16%; характеристика по времени принятия пищи – 6%. Если литературный язык, оценивая качества человека в связи с аппетитом, номинативно закрепляет только значение 'человек, который много ест, обжора', то в системе говоров (только уральских!), помимо 'обжоры', выделяются семемы 'человек с хорошим аппетитом', 'такой, которого трудно накормить досыта', 'такой, который быстро начинает вновь испытывать чувство голода', 'человек, который часто испытывает голод', 'женщина, которая плохо ест' [КЭИС]. Общей оценке подвергается не только "количественный", но и "качественный" аспект питания (разборчивость в еде), при этом значение 'привередливый, разборчивый в еде человек', реализуемое в говорах активно и разнообразно, отчасти накладывается на лите-*тур. гурман и гастроном*, но если в изображении литературного языка соответствующее качество не подвергается отрицательной оценке и выдается за своеобразное и вполне простительное хобби, то в диалекте привередливость в еде однозначно негативна (*Лебезинка по-нашому: я то не хошу, друго не хошу, ему это послашше, то конфетишки, то сварит послашше; Хто ты боле, как не притчевата, когда так ломася, не ешь, чё тебе дадут; А он, чипчунька, чё подашь на стол, всё разбирает и т.п.* [КЭИС]).

Особым "рисунком" характеризуется значение 'пищевые пристрастия в связи с отношением к собственности', не реализуемое средствами литературного языка, ср.: *травоеда* 'человек, который из скупости ест много овощей, не позволяя себе есть мясо' [ЛК ТЭ], *кишечник* 'жадный человек, скряга, кто ест кишки, хотя бы мог есть и говядину' [СРНГ 13: 249], *водолюб* 'человек, не употребляющий ни вина, ни чаю, ни кофе из скупости' [СРНГ 4: 347], *недосластка* 'скупая женщина' [СРНГ 21: 31], (ср. также *ботвинник* 'скряга' [СРНГ 3: 134], *мякинник* 'о скупце' [СРНГ 19: 78]) и т.п.¹¹ В этом значении, вводящем "пищевые" характеристики в сферу межличностных отношений, прослеживается своеобразная линия "народного контроля", присущая диалектным характеристикам человека: особенности потребления пищи или распоряжения собственностью

¹¹ Вместе с тем пищевые излишества и кутежи, разумеется, тоже не приветствуются, связываясь с мотовством или ленью (*сахар (медович)* 'о том, кто неразумно тратит, проматывает деньги, имущество: мот, расточитель' [СРНГ 36: 153]; *банкетать* 'праздно сидеть' [СРГК 1: 38], *пробанкетовать* 'провести время за пустыми разговорами' [КСГРС]).

не являются "личным делом" каждого, но подвергаются общественной проверке и оценке.

Специального комментария требуют также лексические и фразеологические единицы, реализующие идею несвоевременного принятия пищи, нарушения регламента питания (эта идея практически не подвергается номинативной разработке средствами литературного языка): *безвременье* 'человек который ест не вовремя' [Воробьев 1999: 36], *безвытнный* 'не признающий очередности, сроков принятия пищи' [СГРС 1: 85], *бестередица*, *бесчередица* 'несоблюдение порядка принятия пищи (еда не со всеми, еда не в очередь из общей миски и т.п.)' [СГРС 1: 109–111], *кусовник* 'человек, который ест на ходу, когда попало, не соблюдая установившегося порядка' [СРНГ 16: 157], *выти не знать*¹² 'не соблюдать должных промежутков времени между приемами пищи', *не вытью есть* 'есть не вовремя' [СГРС 2: 268], *в вытиях не мешайся* 'соблюдай время приема пищи' [АОС 8: 315] и т.п. Комментарии информантов демонстрируют однозначно негативное отношение к такому режиму питания: *Безвытнный не признаёт обед не обед, как здумает, так и ест* [СГРС 1: 85]; *Раньше, пока все за стол не сядут, не ели, а теперь одна бестередица: кто когда хочет, тот и ест, не ждут обеда* [СГРС 1: 109]; *Выть от выти вытерпеть не можот – кусок от роту не идёт!* [АОС 8: 315]; *Седет ись, дак он ес-ес, как бутто он толку не знат и выти некакой не знат, ес-ес и не наесса, вот не наед-от* [Воробьев 1999: 36–37] и др. Лучше всего негативные смыслы, связанные с неупорядоченностью процедур питания, обнаруживаются в самой логике семантической деривации на базе соответствующих слов: *безвытнный* 'не соблюдающий очереди в еде' → 'неряшливый, не умеющий поддерживать порядок' → 'такой, который пакостничает, приносит вред' [ЛК ТЭ]; *кусоломить* 'есть на ходу, не дожидаясь определенного времени' → 'хулиганить' [ЛК ТЭ]. Регламентация приема пищи не является "личным делом" человека; нарушение порядка в еде становится важным сигналом асоциального поведения (питающийся не вовремя ставит себя вне законов традиционного общежития – а затем закономерно обнаруживаются более опасные в социальном плане черты) и рассматривается как вызов, который человек бросает обществу. Кстати, есть смысл отметить еще следующее обстоятельство: если несоблюдение правильного режима питания влечет за собой проявление иных негативных свойств натуры, то, наоборот, способность правильно питаться и хороший аппетит может дать разного рода позитивные с этической точки зрения смыслы: *вытнный* 'положительный, самостоятельный, требовательный' (*Яшка тоже, как вытнный, порядок ведёт*), 'умный, деловой, старательный, добропорядочный', 'дельный, работающий' [СРНГ 6: 40], *солоций* 'жадный до еды', 'жадный до работы' [НОС 10: 116], *едоха* 'человек с хорошим аппетитом', 'знаток, хорошо знающий какое-либо дело человек; мастер' [СРНГ 8: 323–324], *жорло* 'быстрый в работе человек' [СРНГ 9: 217] и др.

Мотивационный уровень

Мотивационные отношения можно рассматривать в разных аспектах. Первый аспект – тематико-мотивационный, "ассортиментный", "кодовый", определяющий, **что с чем** сопоставляется или что чему соплагается, в каких областях действительности отыскиваются мотивационные источники или наследники данных смыслов. Как указывает С.М. Толстая, "каждое семантическое поле (лексико-семантическая группа) характеризуется двумя показателями: присущими ему и воплощенными в его лексике мотивационными моделями... и теми мотивационными моделями, в которых составляющие его слова участвуют в качестве мотивирующих по отношению к лексике других семантических полей (или, что то же самое, набором и типом других полей, в которые входят слова, мотивированные словами данного поля)" [Толстая 2002: 116].

¹² *Выть* 'прием пищи и время, когда он осуществляется', 'промежуток времени между приемами пищи', 'еда, пища; пропитание' и др. [СГРС 2: 268–269].

Второй аспект – "причинный", устанавливающий, **почему** произошло такое соотнесение. Иначе говоря, в данном случае речь идет о собственно мотивации (мотивационной этиологии).

1. Рассматривая ассортимент, **кодовый диапазон мотивационных связей**, этнолингвистическому анализу следует подвергать следующие параметры.

А. Логика формирования набора кодов – полей, имеющих мотивационные связи с данным. Следует различать *внешнюю* логику, проливающую свет на причины обращения к данным кодам со стороны носителя языка, и *внутрисистемную* логику, предполагающую наличие межкодовых связей, корреляций.

Внешняя логика обнаруживает четкую связь с "вертикальным контекстом" номинативной деятельности: как правило, сферы отождествления так или иначе проецируются на образ жизни, занятия, бытовые и культурные пристрастия человека. Например, проведенное М.Э. Рут исследование севернорусской образной ономастики показало, что сферы образного отождествления выстраиваются в четкую иерархию концентрических кругов – "человек", "семья", "дом и двор", "деревня", "поле, луг", "непосредственное природное окружение (лес, река)", "внешний мир" (при этом наблюдается постепенное угасание активности образной номинации от внутренних кругов к внешним) [Рут 1992: 52]. Такая логика образного отождествления выводит на концептуальную модель "мир = дом" и свидетельствует о "земледельческом" типе образной номинации, который "характеризуется приоритетом конкретных образов-моделей, связанных с предметами, орудиями и результатами, продуктами деятельности крестьянина-земледельца" [Там же: 128].

Внутрисистемная логика, позволяющая найти определенные закономерности в кодовом разнообразии, подразумевает соединение тематически различных мотивов в единую "картину" или "сценарий". К примеру, "донорами" для поля интеллектуальной неполноценности становится лексика и фразеология, реализующая мотивы отклонения от дороги либо неумения ее прокладывать и искать (простореч. *съехать*, диал. *на печке блудиться*, *заблуждённый*, *круженьй*, *беспутица*, *дурак непутный* и т.п.), отъезда из дома и странствования, блуждания в темноте (простореч. *тронуться*, жарг. *поплыть*, *поехать*, *домик поехал*, диал. *ходить в потёме*), отсутствия или повреждения жилища (диал. *Алеша, ищи квартиру*, жарг. *крыша надломилась*, *чердачное помещение сгорело*, диал. *калитка отворёна*), потери родственников – (простореч. *не все дома* (у кого); диал. *Ванька дома*, *Васьки нет*), особой близости к Богу (*раич*, *божий человек*, *аноха-праведник*) и др. [см. Леонтьева 2003: 241–256; Березович, Леонтьева 2004]. Эти тематически разные мотивы движимы единой логикой: отсутствие дома, полноценной семьи, "вечное странствование" воспринимаются оседлым народом как антинорма; эти же обстоятельства, с другой стороны, лишают человека места на земле, определяют его отрешенность от земного и обращенность к Богу.

Б. Направление и закономерности межполевого взаимодействия. В данном случае предполагается выделение полей-доноров и полей-реципиентов, обнаружение различий в мотивационной потенции и продуктивности различных полей¹³, выявление логики донорско-реципиентного распределения, а также логики межполевых переходов для сходных по базовой семантике полей, характеристика интерактивного потенциала той или иной семантической структуры.

Определение вектора межполевого взаимодействия позволяет понять направление освоения действительности, механизм постепенного расширения границ познанного, когда старое знание способствует получению нового. Так, показательны выводы

¹³ О необходимости выявления различной мотивационной потенции и продуктивности отдельных полей говорит С.М. Толстая, напоминая, к примеру, о том, что «к наиболее продуктивным в этом отношении "донорским" полям принадлежит... соматическая лексика, и это вполне согласуется с антропоцентризмом восприятия мира человеком» [Толстая 2002: 123].

Е.И. Якушкиной, продемонстрировавшей на материале сербохорватской диалектной лексики, что поле этической семантики в мотивационном отношении вторично, для него принципиальна функция реципиента, поскольку этическая лексика "представляет собой метафорическую или метонимическую проекцию значений, принадлежащих другим семантическим полям. Помимо большого числа индивидуальных семантических моделей формирование лексико-семантического поля этики в сербохорватских диалектах подчинено действию нескольких системных способов интерпретации сферы нравственности, важнейшими из которых являются пространственный, гастрономический и анатомический коды" [Якушкина 2003: 149].

Особо следует пояснить такой важный для концептуальной интерпретации фактор, как характеристика интерактивного потенциала семантических структур. Она включает как логику "дальних" межкодовых соотношений, так и описанную выше логику наложения смыслов "соседних" полей (объединения "ближнесоседских" сем в одном значении). Такое рассмотрение позволит охарактеризовать различные семантические поля и их сектора в свете их открытости/замкнутости по отношению к "соседям", их "партнерского потенциала", тяготения к "коллективистскому" или "сепаратному" поведению. В связи с этим можно говорить о существовании двух типов полевых структур. Первый тип – **экстравертированные** семантические структуры. Они максимально открыты для взаимодействия с другими оппозициями, обнаруживая многочисленные ситуации наложения и пересечения. Этот тип оппозиций образует ядерную зону в структуре концептуального поля. Второй тип – **интровертированные** семантические структуры. Они в значительной степени замкнуты на себе и более удалены от центра поля. Конечно, статус "экстраверта" или "интроверта" весьма относителен, об этом можно говорить лишь на уровне тенденции, поскольку партнерские отношения всегда двуправленны – и если две семантические структуры обнаруживают какие-то ситуации одинакового или сходного языкового поведения, то каждая из них может быть охарактеризована как способная к интеракции (другое дело, что одна может ограничиться редкими взаимодействиями, а другая – многочисленными).

Думается, что статус экстраверта/интроверта и связанное с ним место в ядре или периферии концептуального поля имеет существенную этнолингвистическую значимость. Так, в рамках макрополя 'пространство' в русском языке своим особым поведением выделяется поле 'дистанция' (характеризующее отношения удаленности – близости), которое вступает в партнерские отношения со многими другими пространственными параметрами.

Наименьшее семантическое расстояние отделяет дистанционный параметр "**далеко – близко**" от такого показателя, как "**охват пространства**". При этом идея удаленности нередко выбирает те же способы выражения, что и идея обширности пространства. Показателен в этом плане образ черта (или других представителей нечистой силы): у *жихоря* 'об очень отдаленном месте' [СРНГ 9: 198], *к семи лешиим* 'очень далеко' [ЛК ТЭ], простореч. *черт-те откуда*, литер. у *черта на куличках* // *черт бежал – ногу переломил* 'о чем-либо, занимающем большое пространство' [Прокошева 1972: 110], *чертовы бега* 'широкий простор', *чертовы версты* 'большое расстояние' [КСГРС] и т.п. Нередко в семантике "чертовых" идиом появляется также смежная по отношению к двум вышеназванным идея **неопределенного** (неизвестного) **направления**: у *лешего* 'неизвестно где' [АС 2: 108], *к лешему на вешалу* 'неизвестно куда' [СПГ 1: 478–479], *на левом плече леший унёс* 'о том, кто ушел неизвестно куда' [СРГК 3: 104]. Более того, данный смысловой субстрат может мотивировать идею **повсеместности**: у *лесного* 'всюду; в разных местах' [СПГ 1: 474].

Для маркировки описываемых идей (удаленности, неопределенного направления, охвата пространства) могут использоваться образы зрительной перцепции: *куда очи (глаза) глядят* 'далеко, куда-нибудь' [СРНГ 8: 253] // литер. *окоём* 'пространство, которое можно окинуть взглядом; горизонт', литер. *глаз достаёт (хватает)*, *куда глаз не хватит*, *насколько хватает глаз*; кроме того, идея неопределенного направления "материализует" взаимодействие с идеей удаленности в других образах: *на девятом*

суку 'неизвестно где, где-то, далеко' [АОС 10: 402]; с *ветру* 'издалека, неизвестно откуда; неизвестный, пришлый (о человеке)' [Ивашко 1981: 77] и др.

Бином "далеко – близко" взаимодействует также с рядом оппозиций и неопозитивными показателями, обозначающими различные измерения и конфигурации "горизонтального" пространства. Среди них следует назвать, в частности, пару "спереди – сзади" (см. в [Березович 2000: 108]). Фиксируется взаимодействие и с такими параметрами конфигурации, как "широко – узко" (*ширина* 'удаленное место' [АОС 10: 254], *широко* 'далеко' [КЭИС], *узко* 'близко' [Глуценко 2001: 569]), "вокруг, около" (литер. *около, околес* 'близко, рядом' [СРНГ 23: 137]; *окольной полё* 'поле, расположенное вдали от дома' [Прокошева 1972: 78], *околица* 'пашня, отдаленная от села, деревни' [СРНГ 23: 139]), "угол" (*закутьё* 'отдаленное место, находящееся в стороне от чего-нибудь' [СРГК 2: 146], в углу 'далеко' [КЭИС], литер. *медвежий угол*), "ряд" (литер. *рядом*). Кроме того, наблюдается взаимодействие с показателями, маркирующими пространственные пределы, – "край" (*украина* 'дальние деревни' [КСГРС], *идти куды вкрай* 'уходить подальше' [КСГРС], *вскрай* 'близ, неподалеку, около' [СРНГ 5: 204], *окрай* 'возле, рядом' [СРГК 4: 188]), "сторона" (*усторонок, устороны* 'глушь, отдаленное поселение' [Грандильевский 1907: 289]), "черта" (*под три черты* 'очень далеко' [СРДГ 3: 192]), а также обозначающими меры, т.е. метрологические единицы – как номенклатурные, так и факты наивной метрологии (литер. *за версту, за две версты, два лаптя* 'очень близко' [КСГРС], литер. *один только шаг*).

Маркируя дистанционные отношения в рамках пространственной горизонтали, пара "далеко – близко" взаимодействует с оппозицией "высоко – низко", описывающей пространственную вертикаль. Ср., к примеру, просторечный фразеологизм *сто верст до небес и все лесом* 'о дальней и трудной дороге', задающий обратимость восприятия горизонтали и вертикали. Показательно также использование одних и тех же образов (и даже идентичных образных выражений) для обозначения как высоты, так и удаленности. ср.: *на девятом кирпиче* 'далеко', 'высоко' [АОС 10: 402]; *на птичий полёт* 'на большое расстояние, далеко' [ФСРГС: 144] // литер. с (*высоты*) *птичьего полета*.

Оппозиция "глубоко – мелко", которая может считаться частным проявлением "вертикальных" отношений, также обнаруживает переключки с "далеко – близко". К примеру, образы курицы и кошки используются в русской топонимии и диалектной лексике для маркировки близости объекта к дому; если *куриные* и *кошачьи* топонимы обозначают гидрообъекты, то последние, как правило, характеризуются и признаком мелкости [Березович 2000: 96–97]. Отдаленное расстояние – в отличие от близости – проецируется на глубину и может быть обозначено посредством образа черта, занимающегося метрологической деятельностью: *черт мерил да веревку вырвал, черт лаптем мерил* 'об отдаленном расстоянии' // *черт мерил да веревки не хватило* 'об очень глубоком месте' [КСГРС].

Если рассмотренные выше параметры можно считать собственно пространственными. "объективные пространственными" (хотя степень объективности здесь очень разная), то выделяются также такие параметры, которые являются сугубо прагматическими и "завязаны" на осваивающего пространство человека. Это, во-первых, показатели, относящиеся к сфере "социальное измерение пространства". Среди них следует назвать, например, пару "освоенность – неосвоенность", ср. многочисленные языковые факты вроде *медвежий угол, глухомань*, означающие плохо обжитое место, глушь, захолустье, в семантике которых идея удаленности сочетается с идеей неосвоенности. С предыдущей оказывается связанной такая фундаментальная оппозиция, как "свое – чужое". При этом, естественно, дальнейшее осмысливается как чужое: *чужбина* 'дальний лес, глухое место в лесу' [КСГРС], *где наши вороны не летают* 'далеко, в чужих краях' [СПГ 1: 119]; признак близости через смысл 'наш, свой, родной' нередко выражается в топонимии [Березович 2000: 94–95]. Во-вторых, среди "пространственно-антропологических" параметров выделяется показатель "доступность – недоступность (труднодоступность)". Для языковой реализации идеи труднодоступности локуса используются образы медведя (*медвежья родина* 'труднопроходимый участок в ле-

су' [КСГРС]) и мужчины (ср. топонимические примеры в [Березович 2000: 95]). Наконец, следует упомянуть о таком показателе, как "духовное освоение пространства", предполагающем ценностную разметку последнего, выделение в нем таких зон, которые связаны с действиями нечистой или крестной силы. При этом идея "нечистого места" оказывается соотносенной с идеей удаленного места, ср. использование образов черта и лешего для маркировки обеих идей (примеры на связь образов этих персонажей с идеей удаленности приводились выше): *чертова даль* 'место, где водит или чудится что-либо', *лешева тропка* 'место, где водит или происходят сверхъестественные события' [КСГРС].

Таким образом, данная оппозиция впитывает в себя как топологию, трехмерность пространства (следует особо подчеркнуть, что описываемая пара "строит" не только пространственную горизонталь, но и вертикаль, а также взаимодействует с параметром формы объекта), так и качественные характеристики последнего. Такое поведение этой оппозиции определяет его статус экстраверта и, соответственно, центральное место, роль организующего начала в концептуальном поле 'пространство'. Если дистанционная семантика "стягивает на себя" многие связи в рамках концептуального поля, то вот семантика пространственной вертикали ("высоко – низко"), к примеру, является значительно более интровертированной по своей организации. Это объясняется, очевидно, преимущественно "плоскостным" характером русского восприятия пространства, а также высокой степенью дейктичности пары "далеко – близко", ее привязанностью к фигуре наблюдателя (пара "высоко – низко" обладает меньшей степенью дейктичности, поскольку возможности субъекта номинации изменять свое местоположение весьма небогаты), имеющего жестко закрепленную позицию, которая совпадает с домом, жилищем.

2. Что касается **уровня мотивационной этиологии**, то здесь в интерпретационных целях целесообразно оперировать понятием принципа номинации, понятием, которое обобщает типы признаков мотивации и одновременно сопрягает их с установками номинатора, поскольку позволяет оценить общее направление номинативной деятельности. Таким образом, в данном случае следует оценить **набор и удельный вес принципов номинации**. Эти принципы могут быть выделены на разных основаниях – по отражению в номинации компонентов номинативной ситуации (отобъектный, отсубъектный, отадресатный принцип [см. Рут 1992: 21–22]), по типу номинативно отработанных свойств объекта (качественный, релятивный, функциональный, ситуативный принципы [Гак 1977: 273; Березович 2000: 352–366]), по особенностям ввода в узус (естественная и искусственная номинация [Голомидова 1998]), по когнитивным установкам (здесь возможны разнообразные варианты – к примеру, "бытийный"/"мифологический" и др.). Проиллюстрируем кратко противопоставление "бытийного" ("эмпирического") и "мифологического" принципов номинации. Если сравнить номинативные портреты таких "гадов", как мышь и жаба, обнаруживаются показательные различия. Мышь в языке оказывается преимущественно "бытийной": лидирование "эмпирического" принципа номинации проявляется в задействовании таких мотивационных признаков, как "серый цвет" (литер. *мышастый*, *мышинный*), "маленький размер" (*мышь* 'о человеке небольшого роста' [СРНГ 19: 68]), "наличие длинного тонкого хвоста" (литер. *мышинный хвостик* 'об очень тонкой косичке, тонком пучке жидких волос'), "тихий тонкий писк" (*как мышь из-под копыта* (петь) 'о том, кто поет тихим, писклявым голосом' [ЯОС 5: 12]), "подвижность" (*мышка* 'еловая палка, которую пускают зимой по гладкому месту, потом ловят' [СРНГ 19: 70]), «прожорливость», "грызливость"» (*мышьядина* 'то, что повреждено мышами, крысами' [СРНГ 19: 69]), "плодовитость" (*как мышей развелось* 'о большом количестве, обилии чего-либо' [КСГРС]), "способность оставлять дорожки следов" (*Мышины тропки* 'Млечный путь' [Даль II: 367]) etc. "Мифологические" признаки в портрете мыши немногочисленны, например: "способность проникать внутрь человеческого организма, стимулируя болезни" (*мышками* называются разного рода желваки, опухоли и т.п. (как правило, у животных), которые, по народным поверьям, иницируются проникшей в организм мышью [см. СРНГ

19: 70–71]: разумеется, сюда подключаются и другие признаки – маленький размер и подвижность и др. В то же время номинативный портрет жабы (лягушки) скорее мифологичен (хотя "эмпирические" мотивировки в нем тоже наличествуют), ср. признаки "способность залезать в тело (рот) человека", "способность инициировать дождь, грозу", "способность инициировать различные болезни – астму, катаракту, бородавки", "наличие антропоморфных черт – как у ведьмы (например, груди)" (подробнее об этом см. в [Березович 2003б]). Возможно, такие различия в соотношении принципов номинации объясняются свойствами объекта номинации: жаба в большей степени удалена от человека, обитает в дикой природе и обладает более необычными, уникальными свойствами – например, совмещением двух стихий обитания. "холоднокровностью".

Уровень культурной символики

Если считать, что уровень культурной символики надстраивается над собственно семантическим и мотивационным уровнями поля, то встает вопрос о логике взаимоотношений этих "этажей" поля. Такие взаимоотношения можно рассматривать в статике и динамике.

1. **Статический аспект** предполагает сопоставление закономерностей языкового и культурного отбора смыслов в рамках единого смыслового пространства – иными словами, характеристику **дистрибуции в пределах поля собственно языковой и культурной семантики**. При этом, разумеется, важно выявить не только и не столько участки симметричного наложения, сколько лакуны и факты асимметрии, когда обнаруживается, что язык и культура обращают внимание на разные блоки смыслов внутри одной смысловой сферы.

В качестве примера лакуны можно привести следующий. Если проанализировать структуру пространственных оппозиций, важных для языка культуры, то можно отметить ситуацию, обратную той, которую мы наблюдали по отношению к естественно-му языку: одной из наиболее существенных и проработанных становится "вертикальная" оппозиция "верх – низ", а на месте "горизонтальной" пары "даль – близь", по сути, обнаруживается лакуна ("Славянские древности" сигнализируют о ней, не включая дистанционную пару в свой словник). Очевидно, это объясняется тем, что "вертикальная" оппозиция таит в себе богатейший мифологический потенциал, поскольку пространственная вертикаль, соединяющая подземный мир с небесным, неоднородна и не может быть освоена человеком, "закрепленным" в ее средней точке (дополнительный импульс для мифологического осмысления – вертикальное положение человеческого тела в пространстве). В то же время горизонталь (не соотносимая, кстати, с пространственным положением тела) является более "бытовой", потенциально осваиваемой: "культурное звучание" горизонтали появляется постольку, поскольку пара "близь – даль" подменяется парой "свое – чужое".

Говоря об асимметрии отношений между культурными и языковыми смыслами, рассмотрим семантическое поле 'хождение в гости', обнаруживающее целый ряд значений, которые имеют культурную проекцию (более того, некоторые единицы этого поля попросту являются культурными словами). Язык и культурная символика идут рука об руку, закрепляя такие широко известные смысловые доминанты гостевания, как угощение (ср. *угощение* ← *гость*), обмен дарами (*гостинец* ← *гость*), регламентированность и очередность ролей гостя и хозяина (*перегацивание*, *перегощенье*, *перегостки* 'посещение гостями друг друга' [СРНГ 26: 65, 72], *перегулка* 'поочередное хождение родственников в праздник друг к другу, сопровождаемое угощением' [СРНГ 26: 75], *загоститься* 'побывав у кого-либо в гостях, быть обязанным пригласить к себе' [СРНГ 10: 25], *отгацивать* 'гостить у того, кого приглашали до этого к себе в гости' [СРНГ 24: 151]), временной и локативный сценарий гощения (*гостиный* 'такой, в который принимают гостей или ходят в гости (о времени)' [СРНГ 7: 94], *гощёное место* 'место, куда усаживают гостей' – но *негощёное (свойское) место* 'место (на печи),

где не принято сидеть гостям' [ЛК ТЭ], ср. *Кто сидел на печи, тот уже не гость, а свой* [Даль IV: 153]¹⁴) и т.п. В то же время целый ряд смыслов, связанных с гостеванием, посещением кого-либо (ср. литер. *гость* 'тот, кто навещает, посещает кого-либо'), оказывается невостребованным языком культуры. Как известно, народная традиция четко различает собственно гостей, пришедших в дом по приглашению, и незваных посетителей (см. об этом [СД 1: 531]), ср.: *Званный – гость, а незванный – пес (и черт его нес)* [Даль I: 671]. *Не зван гость, не пасена и честь; На незваного гостя не припасена и ложка* [Даль II: 519] etc.; номинативное противопоставление тех и других отражено в лексемах типа *званка*, *званье* 'званные гости' [ЭИС 4: 10] – но *навёртыши* 'случайный гость' [ЭИС 4: 10], *сычи* 'незванные гости на свадьбе' [КСГРС], *налетала, налетуша* 'незванный гость' [Даль II: 433] и др. Л.Г. Невская справедливо указывает, что «забвение сакрального смысла "гостя" или сознательный переход на профанический уровень возвращает к негативному смыслу 'чужой, чуждый, враг': *незванный гость хуже татарина*, болг. *без время гость отъ Турчинъ полошь...* и под.» [Невская 1997: 448]. Таким образом, представление о двух категориях гостей отражается в членении соответствующего семантического поля, при этом смысловой комплекс 'званный гость' имеет поддержку на уровне культурной символики, а смысловой комплекс 'незванный гость', описывающий "профанное", неритуальное гощение, оказывается лишенным этой поддержки.

Неритуальное гощение может реализовываться по-разному, но, пожалуй, самая распространенная ситуация такого рода в русской крестьянской культуре – посещение "запросто" дома соседа. В ряде районов Вологодской области представление о таком посещении формирует четко оформленный языковой смысл, который находит воплощение в лексике и идиоматике, включающей слово *другозьба*. Первоначальное значение этого слова, в основе которого сочетание *другая изба*, – 'чужая, не своя изба в этой или соседней деревне; дом соседей или знакомых', ср. *другоизба* 'изба соседа' [СРНГ 8: 210; СВГ 2: 60], *другоизба* 'каждая из двух частей деревенского дома, состоящего из зимней и летней избы, по отношению к другой части' [СВГ 2: 60], *другоизбе-нец* 'живущий в другой избе', *другоизбный* 'соседний (о доме)' [СРГК 2: 5–6]¹⁵. Это слово оказывается втянутым в устойчивый сценарий "неритуальных посещений": сосед идет к соседу просто "посидеть", узнать новости, обратиться с какой-то просьбой и т.п. При этом *другоизба* трансформируется, как правило, в *другозьбу* (явно под влиянием народно-этимологического "подверстывания" к ряду дериватов *гостить* вроде *перегозьба* 'посещение гостями друг друга' [КСГРС]) и дает разнообразную деривацию и идиоматику: *по друго(й)збам* (обычно с оттенком неодобрительности) 'по гостям' (*Ну, эта пока с роботы идёт, полконца обойдёт всё по другозьбам. Ей и на корову наплевать – пусть стоит до вечера; Смотри работай, а не ходи по другозьбам; Тебе бы по другоизбам только ходить, а дома ничего не надо*) [СВГ 2: 60]; *идти (пойти, сходить, уйти, ходить* и др.) *в другозьбу (по другозьбам)* 'идти в гости без определенной цели, "посидеть", "просто так"' (*В другозьбу пошла, пруйи пошла, не в гости, а в другозьбу; Лентяки-те по другозьбам ходят*) [КСГРС]; *другозьба*, *друговизник* (неодобр.) 'любитель посещать чужие дома, проводить время вне собственного дома' (*Другозьба – человек от безделья ходит из дома в дом; Парень у меня – друговизник настояшшой: проснёччя, поест, шапку в охапку и до вечеру дома не появляе-ччя*) [СВГ 2: 59–60], *другозьба*, *другозьбница* (неодобр.) 'любительница посещать дома соседей без определенной цели' (*Эта Азнийка другозьба такая, всё ходит, ходит,*

¹⁴ В данном случае гость противопоставляется домочадцам, которые сидят на печи, ср.: *Это запечный (домашний, свой) гость* [Даль I: 614] при *Сын да дочь домашние гости, свои* [Даль I: 466].

¹⁵ Для подтверждения устойчивости модели см. также *друго-деревенцы* 'жители другой (соседней) деревни' [СРНГ 8: 210].

нюхает, у кого что) [КСГРС], *другозъба* 'пребывание в гостях' (*Совсем от дома отбилась, только о другозъбе и думает*) [СВГ 2: 60] и др.

Несмотря на то, что иногда просматривается синонимичность "другощениа" и "гощениа"¹⁶, она скорее наводится сугубо языковыми факторами (уже упоминавшимся народно-этимологическими сближениями), – и "другощение" весьма принципиально отличается от "настоящего" приема гостей. Во время работы в условиях диалектологических экспедиций нам не раз случалось вести наблюдения над поведением хозяев и людей, пришедших в *другозъбу*: такие наблюдения показывают, что по ряду позиций "другощение" подчеркнуто неритуально. Если собиратель оказывается для хозяина гостем издалека, если его по правилам гостеприимства угощают, на него "тратят время" и т.п., то вот зашедшая во время чаепития хозяина и дальнего гостя соседка может не удостоиться никакого специального внимания. Ей зачастую не предлагается пройти к столу, не наливается чай (ср., кстати: *А мы в другозъбы всё с сахаром ходим. Там засидимся, то и цяём напойт* [СВГ 2: 60]: появление в "настоящих гостях" со своим сахаром могло бы нанести обиду хозяевам), с ней могут не вступать в беседу и т.п. Такое поведение хозяев вызывало у "законных гостей" недоумение, но соседка, кажется, ничуть не обижалась: время от времени она вставляла в нашу беседу не связанные с ее темой вопросы (*уехал ли Колька? почём брала сахар? откуда у Клавки синяк – не избил ли мужик?* и т.п.) – и, вне зависимости от того, получала ли нужную информацию, через какое-то время удалялась.

Приведенный выше материал обнаруживает негативные стороны "другощениа": просиживание по чужим домам может осознаваться как неоправданная трата времени, склонность к праздношатанию, безделью и любовь к сплетням. Пунктиром подчеркнутые в лексическом комплексе, связанном с *другозъбой*, эти смыслы становятся более явными в фактах семантической деривации на базе других слов, означающих неритуальное посещение чужих домов.

Весьма выразителен лексический комплекс на базе слова *двор*, внутренняя форма которых рисует перемещение из двора в двор ("между дворами", "по дворам", "за двором", "сечь дворов"). Лексемы с такой внутренней формой могут сочетать семантику посещения соседей и лентяйничанья, праздношатания: *задворничать* 'жить не дома, быть постоянно у кого-либо в гостях' [СРНГ 10: 46], *междудворник* 'лентяй, любящий шататься по чужим дворам', *междедвор*, *междидвор*, *междедворец* 'бездельник, который ходит от нечего делать по чужим дворам', *междудворничать* 'бездельничать, ходить по чужим домам; часто ходить в гости', *междудворница* 'женщина, которая не сидит дома, а ходит по соседям; шатунья' [СРНГ 18: 79, 81–82, 90], *подворашиник* 'мужчина, который любит без дела ходить по чужим дворам' [СОГ 10: 37], *подворня* 'непоседливая женщина, которая любит ходить по гостям', *подворяга* 'женщина или мужчина, любящие бродить по чужим дворам' [СРНГ 27: 366, 369], *семидворить* 'бездельничать, ходить целыми днями без толку из дома в дом' [ЯОС 9: 25] и т.п. Дальнейшая филиация значений дает более широкую палитру этически негативных смыслов: *дворы* 'сплетни, пересуды' [СРГК 1: 432], *междедворка* 'сплетница', *междедворить* 'сплетничать' [СРНГ 18: 81–82], *семидворить* 'бегать по деревне, собирая сплетни' [ЯОС 9: 25], *междидворница* 'потаскушка' [СРНГ 18: 81]¹⁷. Кстати, показательно, что этот смысловой

¹⁶ Ср.: в *другозъбу* 'в гости' (*Не всё вам к нам, надо и нам к вам в другозъбу прийти. Пусть-ко нас теперь угощают*) [СВГ 2: 60].

¹⁷ Отметим, кстати, что, помимо этической сферы, вот такое незакрепленное положение по отношению к двору, избе или отсутствие двора может давать негативную оценку социального статуса человека – семантику отсутствия семьи и нищеты: *бездворовник*, *междедвор*, *междидворник*, *подворник* 'бобыль' [СРНГ 2: 186; 18: 81, 82; 27: 366], *бездворница*, *междедворка* 'бобылка' [СРНГ 2: 186; 18: 82], *по дворам ходить* 'собирать милостыню' [АОС 10: 333; Прокошева 1972: 107], *водиться по избам* 'побираясь, нищенствуя, поочередно питаться в разных домах в деревне' [СРНГ 4: 338] и т.п.

комплекс связывается не с "междомьем", а с "междворьем": если дом является относительно замкнутой, личностно-семейной сферой, то двор – область, открытая вовне, выводящая мир семьи в "большой мир" (через мир "соседей", ср. *ободворок* 'сосед' [СРНГ 22: 155], *судворни* 'соседи, шабры, по смежным дворам, по задворкам' [Даль IV: 355]), и этот статус задается самим расположением двора в пространстве. И еще один важный момент: именно двор является индикатором хозяйственной состоятельности человека¹⁸, а хозяйственная состоятельность для традиционной народной культуры в значительной степени служит фундаментом морали: отсюда столь негативное осмысление отсутствия двора или "неприкрепленного" к нему положения человека.

Аналогичная "дворовой" лексике логика смыслопорождения присуща дериватам корня *чуж-*: *очужаться* 'часто и без цели посещать соседей' → 'проводить время, занимаясь чем-то безрезультатным', *чужаться* 'сплетничать' [КСГРС]; выразительна здесь семантика корня, категорично указывающая на "чуждость", "инаковость" поведения слоняющегося по чужим дворам человека¹⁹.

Итак, в семантическом поле "гощения" намечен определенный водораздел между смыслами, связанными с ритуальным и неритуальным гощением. Первые имеют не только языковую, но и культурную маркировку и, соответственно, такую внутреннюю организацию, которая подчинена культурному сценарию – в данном случае ритуалу приема гостей: здесь просматриваются важные для любого ритуала смысловые стержни – пространственно-временная закреплённость ("гостевое место" и "гостевое время"), наличие определенной акциональной программы (сюда входит, в первую очередь, угощение) и предметной символики (гостинцы). Что касается неритуального гощения, то оно определяется смысловыми доминантами иного рода, оказываясь вписанным не в сферу этикета, а скорее в сферу этики²⁰. Здесь нет регламентированности культурного сценария, здесь есть плавные переходы от внешней, "поступочной" логики к качественной характеристике человека, переходы, определяемые аксиологической логикой, логикой оценки. Эти переходы могут быть обеспечены присущей языку "волновой" техникой филиации смыслов, когда языковая линия весьма гибко обрисовывает контур движения мысли. Культурный сценарий не фиксирует эту динамику, поскольку семантическое пространство языка культуры более дискретно, здесь знаки связаны друг с другом скорее в рамках статичного культурного фрейма, нежели в потоке смысловой эволюции. Таким образом, статический интерпретационный ракурс исследования в применении к уровню культурной символики (если смотреть на него "снизу вверх" – т.е. по направлению от естественного языка к культурной "надстройке") предполагает сопоставление закономерностей языковой и культурной дистрибуции смыслов.

¹⁸ Ср.: *дворовиха* 'женщина, не любящая без дела ходить по чужим дворам' [НОС 2: 78], *одвориться* 'завестись хозяйством, двором' [СРНГ 23: 7], *дворничать* 'постоянно просить у соседей домашнюю утварь, сельскохозяйственный инвентарь и пользоваться ими' [СРНГ 7: 302], *подворье водить* 'вести свое хозяйство' [СРНГ 27: 369] мн. др.

¹⁹ Семантика бесцельного посещения соседей может реализовываться также другими лексическими носителями, ср.: *бузун* 'человек, любящий без дела ходить по чужим домам' [СРНГ 3: 258] *сваишить* 'ходить от одного двора к другому', 'передавать новости, сплетничать' [СРНГ 36: 222], *колядоваться* 'слоняться без дела' [СРНГ 14: 222], *гульная палагея, базарная королева* 'о том, кто ходит без дела из дома в дом' [Воробьев 1999: 41–42] и др.

²⁰ Отметим, что такое соотношение этикета и этики характерно и для смысловой сферы, связанной с приемом пищи, которая кратко затрагивалась в ходе предшествующего изложения: культурная семантика фиксирует четко регламентированный сценарий приема пищи, формулирует разного рода предписания и запреты, а языковая семантика затрагивает и перетекание этикетных смыслов в этические (ср. перечень "этических последствий" несоблюдения времени приема пищи).

2. Динамический ракурс в изучении взаимоотношений между уровнем культурной символики и семантико-мотивационным уровнем подразумевает выявление **направления и закономерностей перекодировок в оппозиции язык ↔ культура**. Возможность таких перекодировок определяется важнейшим постулатом этнолингвистики о том, что культура «представляет собой иерархически организованную систему разных кодов, т.е. вторичных знаковых систем, использующих разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к "картине мира"» [Толстые 1995б: 7]. Так же, как при внутриязыковом взаимодействии полей, процесс перекодировок характеризуется распределением ролей донора и реципиента²¹. При этом естественно предполагать движение информации в направлении **внеязыковые формы культуры → язык и наоборот** (конечно же, это самое грубое и поверхностное представление, которое должно быть многократно углублено с учетом разнообразия жанров культуры и существования различных способов трансляции смысла в языке).

А. Вектор культура → язык прорабатывается, например, в том случае, когда фрагменты культурных текстов, сворачиваясь, попадают в языковую систему в качестве прецедентных знаков. Такая вторичная семиотизация свидетельствует о двойном знаковом отборе, что повышает степень аксиологичности отобранных смыслов (помимо такого межкатегориального движения от культуры к языку, феномен вторичной семиотизации может, разумеется, обнаруживаться как внутри языка, так и внутри культуры, ср. наблюдения Н.И. и С.М. Толстых над вторичной функцией обрядового символа, показавшие, что вторичными, вновь отобранными культурой, становятся наиболее существенные, ключевые ее элементы, своего рода архетипические культурные тексты – обряды жизненного и вегетативного циклов [Толстые 1994: 254]). Если рассматривать механизм взаимодействия полей-доноров и полей-реципиентов, то становится очевидно, что принимающая система, трансформируя семантику культурных знаков, располагает их вдоль своих силовых линий смыслообразования, подчиняет закономерностям собственной организации.

Так, образы "злодеев", принадлежащие различным культурным текстам (в первую очередь, библейскому), попадая в лексическую систему русских народных говоров, подвергаются смысловым преобразованиям в соответствии с логикой организации реципиентного поля 'черты характера человека'. При этом невостребованными могут остаться те грани образа, которые нередко являются важнейшими в культурном тексте – допустим, мотив "кровавого преступления", предательства; в то же время появляются магистральные для диалектной семантической системы значения, рисующие не разово-событийный негатив, а такие коммуникативно значимые для традиционного общежития черты, как скупость, сварливость, злобность. Вот, к примеру, перечень культурных героев-"скряг": *иуда* 'жадный, скупой человек, скряга' [СРНГ 12: 276], *ирод* 'о жадном человеке' [СРНГ 12: 210], *асмодей* 'злодей, скряга' [СРНГ 1: 286], *аман* 'скряга, скупец' [СРНГ 1: 249], *кощей* 'скупец, скряга' [СРНГ 15: 159], *аспид* 'скупой человек, скряга' [СРНГ 1: 286], *каин* 'жадный человек, скряга' [КСГРС], *аред*, *ареда* 'чрезвычайно скупой человек' [СРНГ 1: 272–273]. Показательно, что в языках, носители которых в силу культурных условий лучше знакомы с прецедентным текстом, образы этих героев могут быть в большей степени приближены к прецеденту. К примеру, польский, украинский и белорусский портреты Амана включают в себя значительное количество языковых фактов, отсылающих к "злодейской сущности" Амана (например, блр. *гаман* 'злодей' [ЭСБМ 3: 39]) и ситуации победы над ним, кото-

²¹ Однако во многих случаях эти роли не выделяемы – и это указывает на принадлежность соответствующего факта "пограничной полосе", зоне, где язык смыкается с другими формами культуры (о таком смыкании и конкретных его проявлениях см. в [Толстая 2002: 124–126]). Тогда встает вопрос о различных техниках обработки одного и того же смысла в языке и в разных сферах культуры.

рая затем стала отмечаться как еврейский праздник (укр. *гаман* 'еврейский праздник; персонаж, которого во время этого праздника евреи используют как объект глумления и издевательств', *гаманувати* 'бить кого-то, как Амана, вести себя жестоко, как с Аманом' [ЕСУМ 1: 464], укр. *бити як Гамана* 'безжалостно бить', *товчуть як жиди Гамана, битий як Гаман*, блр. *біці як Гамана, уси кричаць на яго як на Гамана, напали, як на Гамана якогась*, польск. *bity jak Aman, zbili go jak Żydzi Hamana, jak na Hamana krzyzczeć* (*nastawać*) и др. [Лвченко 1999: 185–186], польск. *uszka Hamana* 'маленькие пирожные, которые должны напоминать победу над Аманом (ему отрезали уши)' [устное сообщение М. Якубович]). Такой подбор черт объясняется тем, что соответствующие лингвокультуры в большей степени, чем русская, взаимодействуют с еврейской культурной традицией. Русские же говоры, дав слабый отклик на ситуацию казни Амана (ср. смол. *як гамана прибили* [СРНГ 6: 127]), "подверстывают" его к другим героям-злодеям, изображаемым, как было показано выше, с привлечением актуальных для носителя диалекта черт характера²².

Показательны и закономерности трансформации библейских географических названий во вторичном топонимическом употреблении, которое актуализирует зачастую сугубо внешние, "рамочные" и даже "дотекстовые" атрибуты – например, в русской микротопонимии *Иерусалимы* могут выражать мотив удаленности, *Палестины* – мотивы урожайного места vs. неплодородной земли. Таким образом, библейские *tetragrammata* осмысляются примерно так же, как другие чужие земли – *Украина*, *Сибирь* или *Камчатка*. Логика концептуализации действительности, присущая традиционной крестьянской топонимии, определяет перекомпоновку ментальных образов библейских географических объектов в соответствии с магистральной прагматической направленностью топонимического "видения мира". Ср. также выявленные И.В. Родионовой закономерности трансформации образа *Содома*. Если в библейско-христианской традиции *Содом* был символом крайней степени греховности, навлекшей на себя гнев Божий, то в говорах это имя фиксируется в связи с мотивами шума, крика вообще и шумной толпы в частности (*содом* 'шум, крик, гам; шумная толпа', *содомить* 'шуметь, кричать, гамить толпою'), ссоры, брани, ругани (*содомить, содомиться* 'ссориться, браниться, ругаться', *содомщик, содомница* 'сварливый, орала, затейщик ссор'), беспорядка, мусора, грязи (*засодомить* 'запачкать, засорить', *содом* 'мусор', *содомно* 'грязно'); это объясняется неактуальностью для русской народной традиции идеи порока – "содомского греха", вследствие чего "тема бесчинства, нарушения установленного Богом порядка, греховности получила разрешение в других, более релевантных для данной культурной среды вариантах-мотивах суматохи, брани, беспорядка", свидетельствующих о переходе образа в предметно-бытовой регистр (подробнее см. [Родинова 1999: 55–56]).

Б. Что касается взаимодействий в направлении **язык → культура**, то они ярко проявляются, к примеру, в связи с феноменом народно-этимологической магии. Полевой подход позволяет обнаружить в лексической системе целые номинативные парадигмы, которые способны "навязывать" культуре серия однотипных ритуальных действий. Так, ряды наименований болезней в ряде случаев провоцируют в сфере медицинской обрядности "рецептуру" лечения, моделируемую по законам языковой магии (кроме того, может моделироваться "анамнез", но обычно причина заболевания и метод лечения взаимосвязаны по принципу *similis simili curatur*). Язык в данном случае оказывается поставщиком определенного номинативного материала, а принимающая система ритуала переосмысляет его в соответствии с магистральным для ритуала принципом магического воздействия (в данном случае он конкретизируется как принцип "рецептурного" восприятия названия болезни, дающего ключ к методике ее лече-

²² Общей для разных славянских языков является также попытка "демонизации" Амана, ср., к примеру, польск. *gaman* 'дикий великан, чудовище' [Warsz. II: 11], рус. *гаман* 'дьявол' [СРНГ 6: 127].

ния), нередко результаты переосмысления "бумерангом" возвращаются в язык, деформируя исходную языковую материю. Ср. некоторые названия глазного ячменя и продуцируемые ими действия (в скобках отмечены случаи формальной "экспликации" народной этимологии, ведущие к переоформлению первоначального наименования): *ячмень, жито* → лечится *ячменным (житным)* зерном или хлебом; *жито, житина* (+ *жича, жичина* 'шерстяная нить' = *жича*) → лечится обвязыванием пальца шерстяной нитью; *жито* (+ *жигать* 'прижигать' = *жига*) → лечится прижиганием горячим хлебом; *песий ячмень, песец, песьяк* → "заносится" собакой (псом), лечится путем "отдавания" собаке; *песьяк* (+ *печь* = *печень, печь-ячмень*) → лечится *печением*: прикладыванием *печеного* лука, *печины* (печной глины), *печного* угля, хлебом из *печи* и т.п.); *песьяк* (+ *писать* = *письяк*) → появляется у того, кто видел, как *оправляется* собака, лечится собачьей мочой; *песьяк* (+ *пест* = *пестяк*) → лечится толчением хлеба с помощью *песта*; *песьяк* (+ *сечь* = *посека*) → лечится "сечением" с помощью топора; *сучья титька* (+ *сук* = *сучий сушок, сучок*) → болезнь "отсылается" в сук и др. (подробнее см. в [Березович 2001]).

Таким образом, при работе с уровнем культурной символики – коль скоро эта работа разворачивается "от языка" – следует выявить логику распределения "языковых" и "культурных" смыслов, обнаруживающих как общие зоны, так и специфические, а также закономерности взаимовлияния языковой и внеязыковых форм культуры.

Перечень обозначенных в настоящей статье параметров этнолингвистической интерпретации семантических полей, безусловно, является неполным и открытым. Мы лишь хотели предъявить его к обсуждению. Думается, что поиск новых параметров следует вести исходя из некоторых общих принципов исследований такого рода. Эти принципы предполагают "панорамное" рассмотрение изучаемых семантических феноменов, их сопоставление и оценку. При этом должны решаться следующие вопросы:

КАКОЙ ЛОГИКОЙ РУКОВОДСТВУЕТСЯ ЯЗЫК (ИЛИ ИНАЯ ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА) ПРИ ОТБОРЕ ЯВЛЕНИЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ СЕМАНТИЗАЦИИ (т.е. что подвергнуто маркировке, а где отмечаются лакуны)?

КАКОЕ МЕСТО ЗАНИМАЮТ РАЗЛИЧНЫЕ СМЫСЛЫ И ГРУППЫ СМЫСЛОВ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ И КАКОВ ИХ 'УДЕЛЬНЫЙ ВЕС' (какова дистрибуция смыслов, какие из них подвергаются означиванию чаще и разнообразнее, чем остальные)?

КАК ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ РАЗРАБОТАННОСТЬ СМЫСЛА ИЛИ ГРУППЫ СМЫСЛОВ ОТНОСИТЕЛЬНО ДРУГИХ (т.е. какова конфигурация, контуры, глубина, нюансировка, степень детализации, "этажность" смыслов в системе)?

КАК ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ В ДАННОЙ ЗНАКОВОЙ СИСТЕМЕ ПЕРЕХОД ОТ ОДНИХ СМЫСЛОВ К ДРУГИМ (т.е. каково направление, вектор филиации смыслов; в каких случаях наблюдается их обратимость)? НАСКОЛЬКО СООТНОСИМЫ РЯДЫ СМЫСЛОВ ДРУГ С ДРУГОМ (как можно спроецировать один смысловой ряд на другой)?

В КАКИЕ БОЛЕЕ ОБЩИЕ КАТЕГОРИИ МОГУТ БЫТЬ ОБЪЕДИНЕНЫ ДАННЫЕ СМЫСЛЫ (т.е. как определяется принцип смыслообразования)?

Дальнейшие исследования позволят получить не отдельные иллюстрации к высказанным здесь предположениям, а системное этнолингвистически ориентированное описание русской лексики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян* Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография М., 1995.
- АОС – Архангельский областной словарь. М., 1980–. Вып. 1–.
- АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь. 1984–. Вып. 1–
- Бартминский 2001 – Е. *Бартминский* Некоторые спорные проблемы этнолингвистики // Язык и культура. Проблемы современной этнолингвистики: Материалы Международной научной конференции. Минск, 2001

- Березович 2000 – *Е.Л. Березович* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000
- Березович 2001 – *Е.Л. Березович*. Этимологическая магия как стимул мотивационного заражения (на материале русских народных названий глазной болезни *ячмень*) // *Этимологические исследования*. Екатеринбург, 2001. Вып. 7.
- Березович 2003а – *Е.Л. Березович*. Топонимическая этносемантика // *Славянское языкознание XIII Международной конференции славистов. Доклады российской делегации*. М., 2003.
- Березович 2003б – *Е.Л. Березович*. К интерпретации некоторых диалектных дериватов *русжаба, лягушка* // *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования 1997–2000*. М., 2003.
- Березович, Леонтьева 2004 – *Е.Л. Березович, Т.В. Леонтьева*. Языковой образ дурака: этнолингвистический аспект // *Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения акад. Н.И. Толстого (1923–1996)*. М., 2004.
- Вендина 2002 – *Т.И. Вендина*. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002
- Воробьев 1999 – *Б.Д. Воробьев*. От *абалтуса* до *угланчика*, и кто такой "яд" (Словарь синонимов, характеризующих человека в уральских говорах). Екатеринбург, 1999
- Гак 1977 – *В.Г. Гак*. К типологии лингвистических номинаций // *Языковая номинация. Общие вопросы*. М., 1977.
- Гак 1993 – *В.Г. Гак*. Пространство мысли (Опыт систематизации слов ментального поля) // *Логический анализ языка. Ментальные действия*. М., 1993.
- Гак 1998 – *В.Г. Гак*. Языковые преобразования. М., 1998.
- Глущенко 2001 – *О.А. Глущенко*. Наречия образа действия в архангельских народных говорах. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2001
- Голомидова 1998 – *М.В. Голомидова*. Искусственная номинация в ономастике. Екатеринбург, 1998.
- Грандильевский 1907 – *А. Грандильевский*. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор. СПб., 1907
- Даль – *В.И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882. Т. I–IV.
- ДСРГСУ – Дополнения к Словарю русских говоров Среднего Урала. Екатеринбург, 1996.
- Еремина 2003 – *М.А. Еремина*. Лексико-семантическое поле "отношение человека к труду" в русских народных говорах: этнолингвистический аспект. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003
- ЕСУМ – *Этимологичний словник української мови*. Київ, 1982–. Т. 1–.
- Ивашко 1981 – *Л.А. Ивашко*. Очерки русской диалектной фразеологии. Л., 1981.
- Івченко 1999 – *О.О. Івченко*. Українська народна фразеологія: Ономастологія, ареали, етимологія. Харків, 1999
- КСГРС – Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания, Уральский университет)
- КЭИС – Картотека Этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области (кафедра русского языка и общего языкознания, Уральский университет).
- Леонтьева 2002 – *Т.В. Леонтьева*. Опыт установления границ концептуального поля "интеллект" в лексике русских народных говоров // *Материалы и исследования по русской диалектологии I (VII)*. М., 2002.
- Леонтьева 2003 – *Т.В. Леонтьева*. Интеллект человека в зеркале русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.
- ЛК ТЭ – Лексическая картотека топонимической экспедиции УрГУ (кафедра русского языка и общего языкознания, Уральский университет)
- Невская 1997 – *Л.Г. Невская*. Концепт *гость* в контексте переходных обрядов // *Из работ московского семиотического круга*. М., 1997.
- НОС – Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12
- Паршин 1996 – *П.Б. Паршин*. Теоретические перевороты и методологический мятёж в лингвистике XX века // *ВЯ* 1996 № 2.
- Плунгян, Рахилина 1993 – *В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина*. БЕЗУМИЕ как лексикографическая проблема (К анализу прилагательных *безумный* и *сумасшедший*) // *Логический анализ языка. Ментальные действия*. М., 1993.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–. Вып. 1–.

- Прокошева 1972 – Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья / Сост К Н Прокошева Пермь, 1972
- Родионова 1999 – И В Родионова К вопросу о трансформации библейско-христианской традиции в народной картине мира // Язык Система Личность Екатеринбург, 1999
- РСС – Русский семантический словарь Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений М, 1998
- Рут 1992 – М Э Рут Образная номинация в русском языке Екатеринбург, 1992
- СВГ – Словарь вологодских говоров Вологда, 1983– Вып 1–
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера Екатеринбург, 2001– Вып 1–
- СД – Славянские древности Этнолингвистический словарь В 5-ти томах / Под ред Н.И Толстого М, 1995– Т 1–
- СОГ – Словарь орловских говоров Ярославль, 1989–1991 Вып 1–4, Орел, 1992– Вып 5–
- СПГ – Словарь пермских говоров Пермь, 1999–2002 Вып 1–2
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей СПб, 1994– Вып 1–
- СРДГ – Словарь русских донских говоров Ростов-на-Дону, 1975–1976 Т 1–3
- СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала Свердловск, 1964–1987 Вып 1–7
- СРНГ – Словарь русских народных говоров Л, 1966– Вып 1–
- Толстая 1998 – С М Толстая Труд и мука // Язык Африка Фульбе Сборник научных статей в честь А И Коваль СПб, 1998
- Толстая 2002 – С М Толстая Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении 2002 № 1 (3)
- Толстые 1994 – Н И и С М Толстые О вторичной функции обрядового символа (на материале славянской народной традиции) // Историко-этнографические исследования по фольклору: Сб ст памяти С А Токарева М, 1994
- Толстые 1995а – Н И и С М Толстые Культурная семантика слав *vesel- // Н И Толстой Язык и народная культура Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике М, 1995
- Толстые 1995б – Н И и С М Толстые О слове Славянские древности // Славянские древности Этнолингвистический словарь В 5-ти томах/Под ред Н И Толстого Т 1 А–Г М, 1995
- ТСРЯ – Л Г Саяхова Д М Хасанова В В Морковкин Тематический словарь русского языка М, 2000
- ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири Новосибирск, 1983
- ЭИС – О В Востриков Традиционная культура Урала Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области Екатеринбург, 2000– Вып 1–
- ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы Мінск, 1978– Т 1–
- Якушкина 2003 – Е И Якушкина Сербохорватская этическая лексика в этнолингвистическом освещении Дис канд филол наук М, 2003
- ЯОС – Ярославский областной словарь Ярославль 1981–1991 [Вып 1–10]
- Warsz – J Karłowicz A Kryński W Niedzwiedzi Słownik języka polskiego Warszawa etc, 1904–1927 (1952–1953) Т I–VIII